КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ИВАНОВ Константин Юрьевич

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Кемерово 2001

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории
Кемеровского государственного университета

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Владимир Алексеевич Волчек

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Сергей Владимирович Макарчук

кандидат исторических наук
Игорь Юрьевич Усков

Ведущая организация: Барнаульский государственный
педагогический университет

Защита состоится 18 декабря 2001 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.088.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в Кемеровском государственном университете (650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, зал заседаний).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кемеровского государственного университета

Автореферат разослан ___ ноября 2001 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент .П. Галаганов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Феномен старообрядчества существует в истории России уже более трехсот лет. Исследованием этого явления отечественной культуры занимаются ученые разных направлений, принадлежащие, зачастую, к различным методическим и методологическим школам.

В последнее время в нашей стране наблюдается новый подъем религиозности, сопровождающийся повышением интереса общества к истории религиозных течений и организаций. Это ставит перед исследователями новые задачи. Критическое переосмысление проблемы существования старообрядчества предполагает выявление как позитивных, так и негативных моментов, современной оценки и анализа причин, их обусловивших.

Значимость изучения вопросов отношения религиозных общин друг с другом и с государством обуславливается необходимостью разрешения таких актуальных проблем, как оформление правового равенства религиозных конфессий и реализация его на практике и поиск путей взаимодействия между двумя ветвями русского православия — Русской Православной Церковью (далее — РПЦ) и старообрядчеством.

В связи с этим повышается актуальность изучения проблем взаимодействия старообрядчества и государства, старообрядчества и РПЦ в условиях реформирования законодательства, регламентирующего отношения подобного характера.

Для исследования вышеуказанной проблемы необходим конкретно-исторический анализ деятельности старообрядцев, господствующей церкви и государства как в целом по Российской империи, так и по отдельным ее регионам, в частности — по югу Западной Сибири.

Хронологические рамки исследования охватывают рубеж 50-60-х гг. XIX в. – 1919 г. Нижняя граница данного периода (1858-1859 гг.) связана с установленным временем появления в регионе старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, что знаменовало завершение формирования спектра старообрядческих согласий, и дальнейшие изменения касались, в основном, степени их распространенности. После реформы 1861 г. создались условия для притока в регион старообрядцев из европейских и сибирских губерний.

Верхняя граница периода (1919 г.) определяется тем, что на территории Алтайской и Томской губерний была установлена советская власть, реализовавшая принцип отделения церкви от государства и изменившая государственную политику в отношении старообрядчества.

Территориальные рамки охватывают юг Западной Сибири. Под данным понятием мы подразумеваем территорию, до 1917 г. входящую в

состав Томской губернии, а затем разделенную на Томскую и Алтайскую губернии. В настоящее время на этой территории располагаются Кемеровская, Новосибирская и Томская области, Алтайский край и Республика Алтай Российской Федерации, а также Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан.

Степень научной разработки проблемы. В изучении истории российского старообрядчества можно выделить три этапа. Для первого этапа — досоветского — характерно преобладание литературы полемического характера, когда оно было в основном мотивом противостояния, аргументом в борьбе между представителями различных религиозных, научных, революционных групп. Результатом работы дореволюционных исследователей стало появление около пяти тысяч отдельных томов, а также еще бóльшее число брошюр, статей, заметок.

Часть этой литературы носит характер полемики, прежде всего — со старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии[1]. Другая часть посвящена таким основополагающим вопросам, как отношение старообрядцев к браку и метрическим записям[2]. Последнее достаточно долго являлось одним из основных критериев классификации старообрядчества, что, в свою очередь, также являлось проблемным вопросом[3]. Работы отдельных авторов посвящены единоверию — течению, занимающему положение между старообрядчеством и официальным православием[4]. Определенное значение при изучении истории старообрядче-

---

[1] Попов Н. Опыт исследования: что такое современное старообрядчество в России? Окружное послание поповщины. М., 1866; Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904; Субботин Н.И. Материалы для истории так называемой австрийской, или Белокриницкой иерархии. М., 1899; Антонов Е. Рассмотрение книги нового раскольнического писателя лжепопа Механикова. М., 1895; Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1897; Павел, игумен. Описание моего путешествия к литовским старообрядцам в конце 1869 и в начале 1870 года. М., 1870; Парфений, иеромонах. Разбор окружного послания, составленного лжеархиепископом австрийско-поповщинской секты Антонием, с сотрудниками. М., 1863.

[2] Верещагин. К вопросу о регистрации браков раскольников. Б. м., б. г. С. 288-303; Гомолицкий С.Б. Брак раскольников по закону 19 апреля 1874 г. Истинный смысл этого закона. Б. м., б. г. С. 91-146; Субботин Н. Раскольнические споры о метриках. М., 1867.

[3] Мельников П.И. (Андрей Печерский). Письма о расколе // Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1976. С. 5-62; Павел, архимандрит. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. 2-е изд. СПб., 1889; Раскол и секты русской церкви (1003-1897 г.). По их происхождению и внутренней связи, изложенные проф. Д-ром богословия Лейпцигского университета Иоганном Герингом / Перев. с нем. Т. Буткевича. Ч. 1. СПб., 1903.

[4] Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу. Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нём мнений и приложениями. Новгород, 1904; Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви 27 Октября 1800 г. – 27 Октября 1900 г. (Очерки из истории Единоверия) / Сост. М.П. Чельцов; Изд. журн. Миссионер. обозрение. СПб., 1900.

ства и отношений его с господствующей церковью имеют исследования и по истории другого института РПЦ – церковной школы[1].

Сибирь стала одним из мест концентрации старообрядцев непосредственно с момента возникновения раскола РПЦ. Исследование сибирского старообрядчества началось практически с момента его появления, например, в трудах Дмитрия, митрополита Ростовского и Игнатия, митрополита Тобольского[2].

Во второй половине XIX – начале XX в. этнографическим исследованием старообрядческого населения в регионе занимались сотрудники Западно-Сибирского отдела Русского Императорского Географического Общества А. Белослюдов, Б. Герасимов, Г. Гребенщиков и др. Сибирь с ее значительными пространствами способствовала фиксированию в замкнутых общинах патриархальных устоев. Поэтому особое внимание этнографов привлекли бухтарминские каменщики и алтайские «поляки». Основное внимание этнографами уделялось изучению народного календаря, особенностей одежды, обуви, головных уборов, убранства жилищ и их типа[3]. Однако в начале XX в., с прокладкой трактов и освоением приграничных районов, замкнутость эта стала нарушаться, и А. Новоселову пришлось «против ожиданий, многое, уже забытое, воскрешать в памяти стариков и только таким способом добывать сведения, необходимые для восстановления полной картины недавнего прошлого»[4].

---

[1] Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. / Сост. И. Преображенский. СПб., 1897.

[2] Дмитрий, митрополит. Розыск о раскольнической Брынской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не богоугодне. Киев, 1866; Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в Православном Собеседнике. Казань, 1857.

[3] Белослюдов А. К истории "Беловодья" // Записки ЗСО РГО. Т. XXXVIII. Омск, 1916. С. 32-35; Герасимов Б., свящ. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Зап. Семипалатинского Подотдела ЗСО РГО. Вып. V. Семипалатинск, 1911; Гребенщиков Г. Река Уба и Убинские люди. Литературно-этнографический очерк // Алтайский сборник. Т. XI. Барнаул, 1912. С. 1-80; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Редкол.: Л.М. Горюшкин (отв. ред.) и др. Новосибирск, 1983. С. 320 (Прим. 45); Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский Округ Н.М. Ядринцева (по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества) // Зап. ЗСО РГО. Кн. II. Омск, 1880. С. 1-147; Принтц А. Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Зап. РГО. По общей географии (отделениям географии физической и математической). Т. I. СПб., 1867. С. 543-582; Швецова М. "Поляки" Змеиногорского округа // Зап. ЗСО РГО. Кн. XXVI. Омск, 1899; Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. ЗСО РГО. Кн. XXV. Омск, 1898. С. [1], 1-64; Новосёлов А. Отчёт о поездке на Алтай. У старообрядцев Алтая (предварительный отчёт) // Изв. ЗСО РГО. Т. I. Вып. 2. (Омск), 1913. С. 1-18; Он же. Умирающая старина (к материалу по этнографии Алтайских старообрядцев) // Зап. Семипалат. Подотдела ЗСО РГО. Вып. X. Семипалатинск, 1915. С. 1-12.

[4] Новосёлов А. Задачи сибирской этнографии // Зап. ЗСО РГО. Т. XXVIII. Омск, 1916. С. 102-103.

Ф.Ф. Болонев достаточно критически относится к этнографическим исследованиям этого времени, считая, что этнографы описывали изучаемые явления не систематически, а по принципу привлекательности[1].

Регулярные исследования старообрядчества юга Западной Сибири как религиозного феномена начинаются с введения в Томской духовной семинарии кафедры по истории и обличению русского раскола и местных сект и деятельности преподавателей В.В. Юновидова и И.П. Новикова. Последний печатал в «Томских епархиальных ведомостях» (далее — ТЕВ) регулярные обозрения состояния томского старообрядчества и сектантства, в 1898-1899 гг. — обзоры деятельности первого епархиального миссионерского съезда, позже сведенные в отдельную книгу[2].

Крупным исследователем проблемы был представитель критического крыла клерикального направления профессор богословия Томского императорского университета протоиерей о. Дмитрий Беликов. Одна из его работ была построена на анализе специфического материала — судебных дел — и, на наш взгляд, не является вполне репрезентативной[3]. В другой работе он дает энциклопедическое описание жизни «раскольников», опирающееся, помимо прочего, и на не дошедшие до нас источники. В данной работе выделяются этапы появления старообрядцев в регионе, определяются основные центры старообрядческих толков и согласий[4].

В отличие от этнографов, историки основное внимание уделяли рассмотрению религиозных особенностей различных направлений старообрядчества, трактуя его как отход от православия.

Печатные работы по собственной истории выпускали и сами старообрядцы. Их привлекали такие проблемы, как причины раскола РПЦ и смысл существования старообрядчества, статистика старообрядчества, формирование согласий и отдельных общин. Многие произведения представлены рукописными трудами, часть которых недавно была опубликована[5].

Второй этап — советский — характерен тем, что исследователями-атеистами старообрядчество рассматривалось с классовых позиций и ха-

---

[1] Болонев Ф.Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 20.

[2] Первый Епархиальный Миссионерский съезд в г. Томске 10-27 Августа 1898 года / Сост. И. Новиков. Томск, 1900.

[3] Беликов С.Д. Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным). Томск, 1894.

[4] Беликов Д.Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880-ые годы) // Изв. Император. Том. ун-та. Томск, 1900. Кн. 16. С. 1-48; 1901. Кн. 18. С. 49-246.

[5] Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. М., 1913; Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999; Сенатов В. Философия истории старообрядчества. М., 1995; Духовная литература староверов Востока России XVIII-XX вв. / Изд. подгот.: В.И. Байдин и др.; Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999.

рактеризовалось как классовая борьба в форме борьбы одной религиозной идеи против другой. Первоначально — с сочувствием, а с конца 1920-х гг. — как реликт средневековья.

Необходимо отметить, что среди исследователей этого периода не было единства в вопросах терминологии и классификации старообрядческих согласий и толков. Во многих публикациях научного и научно-популярного характера термины «раскольники», «староверы», «сектанты» не разграничивались и, порой, смешивались. В.Г. Карцов сделал вывод о тождественности русского Раскола XVII в. и западноевропейского протестантизма, и применял термины «раскольник» и «протестант» как синонимы для русской действительности[1]. По мнению В.Ф. Миловидова, к беспоповщине, сохранившей лишь часть обрядов, и то в сильно упрощенном виде, применение терминов «старoверие» или «старообрядчество» чрезвычайно условно[2]. П.Л. Каушанский и А.Т. Москаленко отнесли истинно православных христиан странствующих («странников») к сектантству[3]. На наш взгляд, эти подходы ориентированы на внешние признаки и не отражают суть старообрядчества.

Не было единого мнения и относительно причины дробления старообрядчества на отдельные согласия и толки. По мнению А.Е. Катунского, причиной появления все новых и новых согласий и толков являлась классовая неоднородность[4]. Подобного мнения придерживался и А.Т. Москаленко[5]. По мнению же Н.С. Гурьяновой, в старообрядчестве с момента его образования шла постоянная борьба двух направлений — умеренного и радикального. Победа умеренного направления внутри одного из согласий часто давала начало образованию нового толка, согласия. Однако и в этом новом согласии постепенно происходило расслоение на радикальные и умеренно радикальные (или даже просто умеренные) группировки.

История российского старообрядчества второй половины XIX – начала XX в. отдельно выделяется в монографии Н.М. Никольского, посвященной истории русского православия в целом[6], а первые обобщающие монографии по истории собственно старообрядчества появляются в конце 1960-х – начале 1970-х гг.[7].

С 1965 г. комплексное изучение старообрядческих центров как источников по истории национальной традиции и менталитета ведется си-

---

[1] Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 1. Калинин, 1971. С. 10, 11.

[2] Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 21.

[3] Каушанский П.Л. Идеология и деятельность христианских сект. Кемерово, 1965; Москаленко А.Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск, 1978.

[4] Катунский А.Е. Старообрядчество. М., 1972. С. 29.

[5] Москаленко А.Т. Идеология и деятельность… С. 20.

[6] Никольский Н.М. История русской церкви / Предисл. А.А. Круглова. Минск, 1990.

[7] Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.

лами специалистов МГУ, а с 1975 г. — и УрГУ через проведение экспедиций, в которых принимают участие историки, этнографы, музыковеды, лингвисты, археографы.

Историография сибирского старообрядчества начинает формироваться в 1920-е гг. с работ А.А. Долотова, А.М. Селищева и др.[1]. Сначала исследователей привлекали этнографические моменты, а затем старообрядцы изучались с целью более успешной борьбы с пережитками религии.

В 1927 г. комплексное исследование алтайских старообрядцев произвели Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова. Ими были исследованы обстоятельства появления старообрядцев в крае, одежда, жилище, транспорт, хозяйство и орудия труда, музыкальные традиции беспоповцев Бухтарминского края[2]. После этого долгое время (1930-1950-е гг.) старообрядцы не выступали специальным объектом исследования, хотя информация о них встречалась во многих этнографических исследованиях русского населения Сибири. На наш взгляд, причиной этого являлась государственная политика воинствующего атеизма, отрицавшая необходимость изучения истории и современного состояния религиозной проблематики.

В середине 1960-х гг. Н.Н. Покровский с учениками совершили предсказанное М.Н. Тихомировым «археографическое открытие Сибири». Постепенно археографы прониклись пониманием необходимости, помимо сбора книг и рукописей, изучения не только книжности, но и всего жизненного уклада старообрядцев. Изменялись и методы работы — от вывоза старопечатных и рукописных книг с территорий в научные центры перешли к изучению бытования книги непосредственно в старообрядческой среде. Археографические экспедиции постепенно переросли в исследования старообрядчества Сибири (в том числе и на юге Западной Сибири), носящие комплексный характер: изучение численности, расселения, духовной культуры, экономического развития старообрядческих общин[3]. Результаты работы публикуются в рамках серии «Археография и

---

[1] Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы-семейские. Иркутск, 1920; Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930; Он же. Старообрядчество в Бурятии (Семейские в Забайкалье). Верхнеудинск, 1931.

[2] Бухтарминские старообрядцы / Изд. АН СССР; Ред. С.И. Руденко. Л.., 1930.

[3] Покровский Н.Н. Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965-1983 гг. // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 13-25; Он же. Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнёзд Сибири // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 435-436; Халидов А.Б., Черных В.А. Археографические экспедиции 1985 г. // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 329-332; Черных В. Археографические экспедиции 1983, 1984, 1986, 1989-1991 г. // Археографический ежегодник за 1983, 1984, 1986, 1989, 1990, 1994 год. М., 1985-1987, 1990, 1992, 1994.

источниковедение Сибири», в рамках которой в 1975-2000 гг. вышло в свет 20 выпусков.

В середине 1970-х гг. появляется, помимо отдельных статей этнографического характера, новое комплексное исследование, посвященное алтайским старообрядцам[1]. Этнографические исследования «семейских», проводимые Ф.Ф. Болоневым, начиная примерно с этого времени, недавно были оформлены в виде монографии[2].

Для изучения сибирского старообрядчества важное значение имеют работы Л.В. Островской, в которых рассматриваются такие принципиальные вопросы, как степень религиозности сибирских крестьян, их отношение к приходскому духовенству и обязательной ежегодной явке на исповедь и причащение. Исследовательницей был сделан мотивированный вывод о более низкой степени религиозности сибирского крестьянства по сравнению с Европейской Россией. Однако она лишь предположила, что одной из причин неявки к исповеди была принадлежность к «расколу»[3].

Третий этап — постсоветский — характерен повышением интереса к истории и современному положению старообрядчества не только ученых разных направлений, но и политических деятелей и, наконец, самих старообрядцев. Проявляется это, во-первых, в проведении нескольких тематических международных конференций; во-вторых, нескольких продолжающихся тематических сборников («Мир старообрядчества», «Старообрядчество: история, культура, современность»); в-третьих, в восстановлении ряда старообрядческих периодических изданий начала XX в. и появлении новых.

С привлечением новых источников рассматриваются такие этнографические проблемы, как архитектурно-строительные, бытовые традиции старообрядцев региона[4]. Исследователи ставят и решают такие новые

---

[1] Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1974; Русские старожилы Сибири / Отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарёва. М., 1974.

[2] Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск, 1994.

[3] Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861-1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 131-151; Она же. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 172-186; Она же. Прошения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1982. С. 165-181

[4] Дутчак Е.Е. Вероучение странников-безденежных конца XIX – XX вв. (по материалам археографических экспедиций Томского университета) // Старообрядчество: история, культура, современность: Тез. III науч.-практ. конф. “Старообрядчество: история, культура, со-

важные проблемы, как взаимоотношение старообрядцев и господствующей церкви и в Европейской России, и в Сибири не только на уровне консисторий и приходских священников, но и таких специфических институтов РПЦ, как православные братства, церковная школа, единоверие[1].

В последнее десятилетие появляются работы (включая диссертационные), посвященные как отдельным старообрядческим согласиям, так и локальным группам, состоящим из представителей разных толков и согласий. Внимание исследователей привлекают такие проблемы, как особенности вероучения старообрядцев отдельных согласий, взаимодействие представителей разных согласий друг с другом, РПЦ и инокультурной средой[2].

временность" (г. Москва, 15-17 мая 1997 г.). М., 1997. С. 190-192; Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья. Проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; Щеглова Т.К. Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в 1-ой половине XX в.: по полевым исследованиям 1993-95 гг. // Этнография Алтая (Материалы II науч.-практ. конф.). Барнаул, 1996. С. 93-105; Она же. Жилые и хозяйственные постройки с. Усть-Калманки: из опыта этнографического обследования // Там же. С. 111-124; Она же. "Избяная литургия". Традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая (по материалам экспедиций) // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 253-278; Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1997.

[1] Лебедев В.В. Омское епархиальное братство // Русское православие в Сибири: история и современность. Материалы Междунар. науч. конф. "Русское православие: 4 века в Сибири. К 100-летию Омско-Тарской епархии". Омск, 1995. С. 81-83; Мавлютова Г.Ш., Половинкин Н.С. Тобольское православно-церковное братство святого великомученика Дмитрия Солунского (конец XIX – начало XX вв.) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр. (Тобольск, 25-27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 111-112; Старухин Н.С. Организация и деятельность противораскольнического братства Св. Димитрия Ростовского (1884-1885 гг.) // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 58-64; Фефелова О.А. Томское православное братство // Труды Томского гос. объединённого историко-архитектурного музея. Томск, 1996. Т. IX. С. 129-135; Тербиев Б.К. Братские школы // Отечественная история: Энцикл.: В 5 т. Т. 1. М., 1994. С. 284; Дроботушенко Е.В. К истории единоверия в Забайкалье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Т. II. Новосибирск, 2000. С. 133-134; Русакомский И.К. К вопросу об истории единоверия // Старообрядчество: история, культура, современность. Тез. науч. конф. (Москва, 24-25 апреля 1996 г.). М., 1996. С. 50-52; Ряжев А.С. Единоверие // Отечественная история: Энцикл.: В 5 т. Т. 1. М., 1996. С. 124-126.

[2] Дутчак Е.Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX – XX вв.): Автореферат дисс.... канд. ист. наук. Томск, 1994; Она же. Изучение современного старообрядчества в контексте междисциплинарного синтеза // Социальное знание в поисках идентичности. Томск, 1999. С. 172-178; Она же. Общины старообрядцев-странников Белобородовской пустыни // Человек в истории. Памяти профессора З.Я. Бояршиновой. Томск, 1999. С. 207-214; Она же. Системный подход в изучении старообрядчества // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всерос. конф., посвящ. 120-летию Том. гос. ун-та: В 3 т. Т. II. Томск, 1999. С. 20-28; Она же. Современные подходы к изучению старообрядчества // Куль-

Немаловажное значение имеет исследование возможности восстановления истории старообрядческих семей и родов и использования такого демографического источника, как метрические книги старообрядцев начала XX в. Велико значение результатов этих исследований для решения проблем исторической демографии, экономической истории, воспитания уважения к прошлому и своей «родовы», и страны в целом[1].

Перспективным представляется анализ причин и путей старообрядческих миграций. Изучение этих вопросов позволило исследователям сделать вывод о тесной родственной и догматической связи старообряд-

---

тура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 2. Томск, 1994. С. 16-18; Полозова И.В. К вопросу о бытовании старообрядцев поморского согласия в городах Западной Сибири // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Кемерово, 1996. С. 140-144; Мукаева Л.Н. Культурно-цивилизованный диалог южно-алтайских старообрядцев с народами Центральной Азии в XVIII – начале XX вв. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур. Материалы II регион. конф. 26 окт. 1999 г.). Барнаул, 1999. С. 53-58; Она же. Южно-алтайские старообрядцы в контексте межцивилизационного диалога // Россия и мировой исторический процесс: Материалы Всерос. межвуз. конф. (г. Бийск, 21-22 сент. 1998 г.). Бийск, 1999. С. 112-113; Романова Н.И. Верхнеубинское старообрядчество Рудного Алтая: историко-культурологический аспект: Автореф. дис. … канд. культурологии. Кемерово, 2000; Нагорная С.Ю. Паспорта старообрядцев-странников в рукописном сборнике конца XIX – начала XX в.: языковой аспект // Старообрядчество: история и культура. Вып. 1. Барнаул, 1999. С. 158-166; Старухин Н.А. Белокриницкое согласие на Алтае: барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Там же. С. 93-103; Он же. Материалы по истории Крестовоздвиженской старообрядческой церкви г. Барнаула (обзор фонда 135 ЦХАФ АК) // Гуляевские чтения. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 292-298; Он же. К истории старообрядчества Нижнего Причарышья // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. VII Ползуновские чтения. Материалы. Барнаул; Усть-Пристань. С. 39-42.

[1] Виденеева А.Е. К родословной ростовских старообрядцев Щаповых // Старообрядчество: история, культура, современность. Тез. науч. конф… С. 84-86; Грико Т.И. История купеческой старообрядческой семьи: опыт реконструкции // Там же. С. 93-94; Из истории российского предпринимательства: (династия Солдатенковых). Научно-аналитический обзор / РАН. ИНИОН; М.Л. Гавлин. М., 1992; Керов В.В. Династии старообрядцев-предпринимателей. Гучковы // Старообрядчество: история, традиции, современность. Вып. 2. М., 1995. С. 22-25; Он же. Рябушинские: династия старообрядцев-предпринимателей // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 3. М., 1995. С. 9-15; Седов А.В. Старообрядцы Бугровы — крупнейшие предприниматели Нижнего Новгорода // Старообрядчество: история, культура, современность. Тез. науч. конф… С. 98-100; Ситнов В.Ф. Кочующая деревня (дополнительные данные о происхождении старообрядческого рода Солдатёнковых) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 7. М., 1999. С. 30-32; Сморгунова Е.М. Старообрядческие семейные и родовые захоронения на Преображенском кладбище // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.). М., 1999. С. 344-360; Стадников А.В. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX – начало XX в.) // Мир старообрядчества История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 341-376; Гончаров Ю.М., Колдаков Д.В. База данных купеческих семей Томской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 20-44; Клюкина Ю.В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 96 (Прим. 42), 97.

цев юга Западной Сибири с одноверцами Забайкалья и юга Дальнего Востока[1].

Полноценное изучение истории старообрядчества невозможно без изучения истории РПЦ. Связано это с тем, что до 1906 г. отсутствовала официальная документация, исходящая от старообрядческих общин, поскольку законодательство не предусматривало самого их существования. Однако и после объявления в стране свободы вероисповедания ряд толков и согласий не воспользовались новыми возможностями.

Одним из методов привлечения из «раскола» являлась подконтрольная РПЦ школьная система. Эта система церковного образования — от школ грамоты до катехизаторского училища и духовной семинарии — стала предметом внимания ряда исследователей, рассматривавших ее на уровне отдельных волостей, уездов и губернии в целом. Внимание исследователей привлекали, в основном, учебные программы церковных школ, динамика численности школ и учащихся, распределение школ по округам (уездам) губернии[2]. В то же время остались нераскрытыми такие вопросы, как роль церковной школы в отношениях РПЦ и старообрядцев, роль Бийского катехизаторского училища и Томской духовной семинарии в подготовке миссионерских противостарообрядческих кадров.

В работах местных исследователей можно встретить лишь эпизодические упоминания о фактах взаимодействия Алтайской духовной миссии, «инородцев» и старообрядцев. Однако количество выявленных ими фактов не позволяет делать даже предварительные выводы[3].

Светские и церковные исследователи дореволюционного периода выявили основные духовные и экономические центры старообрядчества региона, обозначили основные проблемы, требующие анализа. От последующих исследователей их выгодно отличает то, что они являлись современниками изучаемого явления. Советским этнографам, археографам

---

[1] Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. 2-е изд., испр. Барнаул, 2001.

[2] Артёмов Г.И. Из истории народного образования в Беловском районе // Историческое краеведение в школе и вузе. Материалы первой Всерос. науч. конф. (14-15 дек. 1994 г.). Кемерово, 1994. С. 147-150; Волчек В.А., Овчинников В.А. Школа в провинции // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово, 1993. С. 23-35; Дробченко В.А. Образование в Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Качество образования и наука: Тез. докл. науч.-метод. конф. (19-20 ноября 1999 г., Анжеро-Судженск): В 3 ч. Ч. 1. Анжеро-Судженск, 1999. С. 30-35; Зинякова В.М. Организация духовного образования в Сибири во второй половине XIX века // Наука и образование: Материалы 1-ой науч.-практ. конф. преподавателей и студентов. Белово, 2000. С. 46-47.

[3] Ерошов В.В., Кимеев В.М. Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995; Тадина Н.А. Этнокультурные и этносоциальные взаимовлияния старообрядцев и алтайцев Уймона // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 42-43.

и литературоведам удалось проделать громадную работу по выявлению, обработке и вводу в научный оборот духовного наследия старообрядчества региона, историками была проделана большая работа по выявлению и обработке архивного материала. Однако ученые до недавнего времени были вынуждены работать в условиях явной или скрытой цензуры: до революции необходимо было учитывать покровительственное отношение государства к РПЦ и негативное к старообрядчеству, а позже — негативное к любой религии. Наметившиеся в последнее время сдвиги еще не получили должного отражения в литературе обобщающего характера. В целом же, в научной литературе получили детальное освещение разнообразные стороны жизни ряда локальных групп — алтайских «поляков», бухтарминских каменщиков, томских странников.

Однако, при наличии огромного количества публикаций, освещающих разнообразные проблемы развития старообрядчества в рассматриваемый период как в стране в целом, так и в Сибири, безусловно, сказывается недостаток обобщающих, проблемных исследований по истории старообрядчества юга Западной Сибири.

Новые исторические подходы к оценке значения религии в жизни отдельного человека и общества в целом, необходимость учета опыта приспособления старообрядцев к рыночным отношениям при сохранении этнокультурного своеобразия, актуальность проблемы фактического равноправия всех конфессий определили тему исследования.

Цель и задачи исследования. Основной целью настоящей работы является выявление тенденций, противоречий развития старообрядчества на юге Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В соответствии с основной целью в работе решались следующие задачи:

1) определить развитие организационных структур старообрядчества в регионе;

2) выявить распределение старообрядцев на юге Западной Сибири по согласиям и толкам;

3) проанализировать динамику численности и расселения старообрядцев региона;

4) охарактеризовать условия, влияющие на взаимоотношения старообрядцев с духовенством господствующей церкви;

5) определить эффективность основных форм борьбы со старообрядчеством со стороны РПЦ; определить место Томского епархиального противораскольнического братства в изучении старообрядчества юга Западной Сибири и в борьбе с ним;

6) рассмотреть условия существования старообрядчества в инокультурной среде (на примере Алтайской духовной миссии).

Объектом исследования является старообрядчество в широком понимании этого слова, то есть все согласия, толки и их ответвления, кото-

рые объединяются по признаку непринятия реформ, проведенных патриархом Никоном в Русской Православной Церкви в середине XVII в. Под согласием мы понимаем более крупные подразделения старообрядцев по вероучительным признакам, под толком — более мелкие (внутри согласия).

В нашем исследовании в качестве основного применяется термин «старообрядцы». Выбор его не является свидетельством выбора диссертантом одной из сторон в споре, носящем богословский характер и выходящем за рамки данного исследования. В ряде случаев вынужденно используется терминология источника. В последнем случае, а также в случае использования внешних для представителей конкретных согласий (толков) названий используемые термины заключаются в кавычки. Самоназвания употребляются без кавычек.

Предметом настоящего исследования является этимология названий и самоназваний старообрядческих толков и согласий, их численность и расселение на юге Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в., а также взаимодействие с институтами РПЦ.

Методологической основой исследования является материалистическая диалектика, законы которой требуют рассмотрения, помимо прочего, явлений истории во всем их многообразии, разносторонности и взаимосвязи, в непрерывном изменении и развитии и переходе количественных изменений в качественные, в единстве и борьбе противоположностей как источнике развития, а также с учетом органически присущего им единства формы и содержания, явления и сущности, количества и качества. В связи с этим важное значение отводится принципу историзма, который требует рассматривать любой вопрос в его историческом развитии — от возникновения до современного его состояния.

С целью реализации возможностей этой методологии в процессе исследования автор использовал следующие методы: анализ и синтез, дедукция и индукция, исторический и логический, метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, системный анализ, количественные методы. Основными среди используемых исторических методов стали историко-генетический и историко-сравнительный.

Источниковую базу диссертации составляют как опубликованные источники, так и, главным образом, неопубликованные архивные материалы, основная масса которых отложилась в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Государственных архивах Томской, Новосибирской и Кемеровской областей, Центра хранения архивного фонда Алтайского края, а также Архива Новосибирской епископии Русской Православной Старообрядческой Церкви. Часть сведений, использованных в настоящем исследовании, предоставлена

Управлениями ФСБ РФ по Иркутской, Пермской, Тюменской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областям, Алтайскому и Красноярскому краям и Республике Алтай и Департаментом КНБ Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области.

Особое место занимают законодательные акты, к которым относятся: своды законов, указы и распоряжения императора, Синода и Сената по вопросам ведомства православного вероисповедания, инструкции, наставления, наказы, положения. При использовании этих источников необходимо постоянно учитывать фактор невыполнения законодательства на местах или его нарушения.

Для самих старообрядцев законодательный характер носят также Постановления Освященных Соборов Древлеправославной Церкви Христовой, материалы Томских епархиальных съездов старообрядцев этого согласия, соборов старообрядцев других согласий.

Постановления Соборов дают нам информацию о времени рукоположения отдельных епископов, об отношении к организации школ для подрастающего поколения, частично раскрывают вопросы семейно-брачных отношений у старообрядцев одного из значимых согласий. К сожалению, составители не сочли возможным поместить в данном сборнике вопросы частного характера, например — о запрещении и разрешении старообрядческих священников, что имело место на территории Томской губернии, судя по анкетам, заполненным самими священниками в 1924-1925 гг. В недавно опубликованных сборниках документов помещены материалы епархиального съезда 1913 г., а также программа и список делегатов 5-го епархиального съезда.

Постановления соборов часовенных, полемические сочинения странников позволяют уточнить особенности бытования представителей этих согласий в регионе.

В отдельную группу можно отнести статистические источники. Сюда мы относим как светскую статистику: приложения к «всеподданнейшим докладам» томского губернатора, памятные книжки Томской губернии, сводные материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи; так и церковную, исходящую от РПЦ: клировые ведомости, историко-статистические описания церквей, сводные ведомости исповедовавшихся и причастившихся, справочную книгу Томской епархии за 1914 г., материалы первого Томского епархиального миссионерского съезда 1898 г.

«Обзоры Томской губернии» (1878-1912 гг.) предоставляют нам сведения о распределении населения губернии, а впоследствии — округов (уездов) по вероисповеданиям; вероисповедный расклад городского и сельского населения; данные о вероисповедном составе призванных на военную службу; развернутая характеристика томского старообрядчест-

ва: общая численность в губернии и по округам, основные согласия и толки и их численность, в том числе — поуездная, основные центры «раскола». После введения свободы вероисповедания отдельной конфессией выделялись единоверцы.

Опубликованные результаты первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., а также основанные на переписных листах списки населенных мест с числом жителей в 500 и более человек являются одним из ценных источников по распределению старообрядцев по согласиям и толкам, уездам и наиболее крупным селениям. Ценность этих источников заключается в том, что основаны они на самоидентификации противников «Никоновых новин», а не на мнении синодального духовенства или заезжих чиновников. К сожалению, значительная часть первичных материалов в первом десятилетии XX в. была уничтожена, а половина опрошенных не смогли соотнести себя с конкретным согласием или толком.

Наиболее полные сводки, привлеченные нами для анализа количества старообрядцев в приходах — материалы первого епархиального миссионерского съезда и справочной книги Томской епархии — оказались не свободны от недостатков: в цифровом материале первого источника составителем исправлены не все опечатки и арифметические ошибки, а во втором учтены не все существовавшие приходы, а некоторые причты не предоставили не то что достоверные, но хоть какие-нибудь данные о количестве и вероисповедании своих прихожан.

В группу делопроизводственных источников входят анкеты священников и диаконов Белокриницкой иерархии, а также документация, исходящая от РПЦ: рапорты священников, благочинных, отчеты противораскольнического братства, Алтайской духовной миссии и отдельных миссионеров, отчеты обер-прокуроров Св. Синода и др.

На протяжение шести лет в старообрядческом журнале «Церковь» публиковался «Перечень зарегистрированных старообрядческих общин». Этот перечень не был полным, сведения о регистрации доведены лишь до 1912 г., в ряде случаев искажены названия населенных пунктов и волостей.

Уточнить данные позволяет обращение к «Томским губернским ведомостям», в официальной части которых должно было помещаться объявление о регистрации с указанием даты регистрации и номера записи в Журнале Общего Присутствия Губернского Управления, местонахождения центра общины и на какие селения (волости) распространяется деятельность общины. Могло указываться название общины, наличие храма или намерение его строительства.

Данные о количестве «раскольников» в приходах РПЦ мы можем почерпнуть из рапортов благочинных и приходских священников, отло-

жившихся в фонде Томской духовной консистории ГАТО. Эти данные не охватывают всех церквей епархии, так как добиться регулярности составления отчетности со стороны причтов приходских церквей всегда было сложной задачей для епархиального управления. Имеющиеся рапорты зачастую фрагментарны, в них отражена не вся запрашиваемая Консисторией информация.

Отчеты Алтайской духовной миссии и противораскольнического братства регулярно печатались в епархиальных ведомостях, а также в виде отдельных брошюр. В них содержались как количественные, так и качественные характеристики старообрядчества региона.

В отчетах томских епископов наше внимание привлекли, прежде всего, разделы, в которых описывается деятельность Алтайской духовной миссии, состояние «раскола», нравственно-религиозного состояния паствы и самого духовенства. В текстовой части составлявшихся на их основе отчетов обер-прокуроров Св. Синода интерес представляют разделы, в которых отражались наиболее яркие примеры по обозрению епархий преосвященными, деятельности Алтайской духовной миссии и «противораскольнической» миссии, состоянию «раскола», «православной» паствы и синодального духовенства. В статистических приложениях помещались сводные, по стране, сведения, соответственно разделам текстовой части. Формуляры таблиц практически не изменялись, что делает их удобными для обработки.

Важное значение для изучения старообрядческих общин имеет такой демографический источник, как метрические книги. Сохранившиеся в региональных архивах метрические книги старообрядцев Белокриницкой иерархии и поморцев брачного согласия за 1907-1934 гг. позволяют дать характеристику семейно-брачным отношениям, уровню грамотности, географии расселения, сословной принадлежности, а также выявить духовных наставников общины. Метрические книги приходов РПЦ позволяют выявить случаи присоединения старообрядцев к официальной церкви. При этом можно достаточно уверенно определять и обстоятельства перекрещивания.

В периодической печати можно выделить две подгруппы. Источником, исходящим от РПЦ, являются издававшиеся в 1880-1917 гг. «Томские епархиальные ведомости». Данная группа источников, несмотря на их субъективность, позволяет исследователю довольно точно представить картину состояния приходов епархии в тот или иной год. Кроме того, достаточно подробно отражено изменение количественного и качественного состава приходов.

Основным источником, исходящим от старообрядцев, является журнал «старообрядцев всех согласий» «Церковь» (с 1914 г. — «Слово Церкви»). Наиболее полно сообщения «наших корреспондентов» в этих жур-

налах отражают положение старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, отчасти — поморцев законобрачных, некоторые материалы освещают жизнь часовенных и самокрещенцев. Особый интерес представляют помещенные в этих журналах фотографии священников, внешнего и внутреннего вида старообрядческих храмов и молитвенных домов.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором выявлены тенденции и противоречия в развитии старообрядчества юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Во-первых, определена тенденция динамики численности старообрядцев. Во-вторых, выявлены причины и сущность дифференциации согласий и появления новых толков. В-третьих, на примере старообрядчества юга Западной Сибири подтверждены противоречия «золотого десятилетия», возникшие в ходе реализации Закона 17 октября 1906 г. о старообрядческих и сектантских общинах. В-четвертых, выявлена «размытость» границ между старообрядчеством и официальным православием в народном его варианте. В-пятых, выявлена тенденция сокращения перехода старообрядцев в официальное православие по мере ослабления репрессивных мер со стороны государства.

Практическая значимость исследования заключается во введении в научный оборот неизвестных ранее и малоизученных документов по истории старообрядчества Томской губернии; ранее введенным дана новая интерпретация. Впервые в отечественной исторической науке послереволюционного периода дается характеристика деятельности миссионерских (братских) школ, создаваемых противораскольническим братством, а также противостарообрядческой деятельности Алтайской духовной миссии. Материалы и выводы работы могут быть использованы:

1) для подготовки обобщающих трудов по истории Сибири, прежде всего, при характеристике духовной жизни региона;

2) материалы, собранные сотрудниками Томского епархиального противораскольнического братства, после критического их осмысления, могут использоваться в качестве ценного источника по истории старообрядчества региона;

3) материалы диссертации и научные работы диссертанта используются при чтении спецкурса «История старообрядчества» в Беловском институте (филиале) Кемеровского госуниверситета;

4) при разработке региональных программ по возрождению духовной культуры, а также в практической деятельности старообрядческих общин.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации определена цели и основным задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, четырех приложений.

Во введении раскрыта актуальность темы, степень изученности проблемы, дан анализ источников, определены цель и задачи, хронологические и территориальные рамки, методологическая основа, научная новизна и научно-практическая значимость исследования.

Первая глава — «**Классификация и численность старообрядцев юга Западной Сибири**» посвящена внутреннему развитию старообрядчества на юге Западной Сибири.

В первом параграфе «Толки и согласия» анализируются расслоение старообрядчества региона по толкам (согласиям), возникновение названий и самоназваний последних. Среди «раскольников» можно выделить две основные группы — поповцев и беспоповцев. Численно лидировали беспоповцы. Среди поповцев преобладали старообрядцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии («австрийцы», «омвросиевцы», «белокриничники»). В основном это были окружники. Противоокружники делились на «иовцев» и «раздорствующих». Количество беглопоповцев по объективным причинам постоянно сокращалось. Промежуточное положение между поповскими и беспоповскими толками (согласиями) занимали часовенные и стариковцы. К середине XIX в. в регионе были представлены следующие беспоповские толки и согласия: 1) поморцы (с внутренним делением на законобрачных поморцев, полубрачных даниловцев и небрачных федосеевцев и филипповцев); 2) истинно православные христиане странствующие, делившиеся на статейников и противостатейников, денежников и безденежников; 3) спасовцы, основная часть которых принадлежала к «нетовщине глухой», а меньшая — к «нетовщине поющей». Близкими к Спасову согласию являлись собственно самокресты (самокрещенцы) и «рябиновцы» (впервые зафиксированные в регионе в 1860-е гг.), а также восточники. В конце XIX в. были зафиксированы единичные «средники», а в Чулымской тайге — так называемое тюменское согласие. В начале XX в. возникло титовское согласие. В конце XIX в. были зафиксированы несколько групп самокрещенцев, по ряду признаков более близких к сектантству, чем старообрядчеству. В регионе бытовали и местные названия и самоназвания.

Во втором параграфе «Учет старообрядцев, их численность и расселение» исследуется проблема учета старообрядцев и расселения их на территории региона.

При выяснении этого вопроса пришлось столкнуться с рядом трудностей как общероссийского, так и местного характера. Во-первых, от-

сутствует единый устойчивый понятийный аппарат. Во-вторых, отсутствовал достаточно надежный критерий для определения принадлежности к старообрядчеству. В-третьих, учет старообрядцев был затруднен, с одной стороны, отдаленностью и малодоступностью мест их проживания, а с другой стороны, увеличением в начале XX в. количества переселенческих поселков.

Основная масса старообрядческого населения на протяжении всего изучаемого периода была сгруппирована в наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении южных уездах Томской губернии, среди которых выделяется Змеиногорский. Такое положение сложилось исторически и носило объективный характер. Первоначально старообрядцы уходили к южным границам Российского государства, скрываясь от гонений в труднодоступных таежных и горно-таежных районах. По мере перемещения границы и смягчения государственной политики в отношении старообрядцев последние начали осваивать и плодородные земли южных уездов.

В третьем параграфе «Организационные структуры старообрядчества» рассматриваются организационные структуры толков и согласий.

Духовенство Белокриницкой иерархии включало в себя на юге Западной Сибири епископа, протоиереев, священников и диаконов; помимо того, в скитах имелись монашествующие во главе с игуменом (архимандритом). Подавляющее большинство священников являлось окружниками; среди неокружников были и «раздорствующие». При священниках состояли отличающиеся «большими знаниями и начитанностью… дьяки», под которыми, возможно, подразумевались начетчики. Общественные богослужения до введения в начале XX в. вероисповедных свобод совершались либо в молельнях, в которых устраивался алтарь, либо с использованием походных полотняных иконостасов. Беглопоповцы обходились изредка наезжавшими из Европейской России попами. Главным совершителем богослужения у беспоповцев являлись наставники.

Важное значение в жизни любого старообрядческого согласия, особенно до введения в России свободы вероисповедания, имели скиты и монастыри. Главное значение скита, основанного в 1875 г. часовенным Ф. Савкиным и первоначально носившего имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы и архистратига Михаила и прочих небесных бесплотных сил, а также преемственного ему Ново-Архангельского скита (начал создаваться в 1906 г., официально разрешен в 1914 г.) в том, что они стали своеобразной кузницей епископских кадров. Всего из них вышло пять епископов Белокриницкой иерархии. В таежных районах скиты существовали не только у белокриничников, но и у представителей других согласий — самокрещенцев, поморцев, часовенных, странников. Общерос-

сийское значение идеологического центра имела Томская пустынь странников-противостатейников в Белобородской тайге.

После дарования свободы совести старообрядцы ряда согласий занялись регистрацией общин и постройкой храмов. В 1907-1916 гг. Томским Губернским Управлением было зарегистрировано не менее 40 белокриницких общин, 31 община поморцев законобрачных, по три общины поморцев, старопоморцев и стариковцев, по одной — «Поморского выгорецкого общежительства Андрея и Симеона Денисовых последователей», беглопопцев и спасовцев. Помимо общин с общепринятыми наименований согласий, в Змеиногорском уезде было зарегистрировано несколько общин со специфическими именованиями: шесть общин соловецкого согласия/толка или Соловецкого монастыря (в том числе дважды в д. Белой), одна — каллистратовского согласия (д. Зевакина) и одна — беспоповцев (д. Соловьева). У двух общин согласие не было указано вообще.

Обучение детей до 1905 г. велось в тайных школах; затем белокриничники и поморцы законобрачные открывают разрешенные школы.

Таким образом, ликвидация крепостного права и открытие земель Алтайского горного округа создали условия для увеличения количества старообрядцев на юге Западной Сибири. На протяжении всего исследуемого периода шло оформление структуры старообрядчества в целом, а также отдельных его толков и согласий. Точность учета старообрядцев и гражданскими, и духовными властями далека от совершенства, однако позволяет выявить определенные тенденции. Наиболее активно вели общественную деятельность, как внутреннюю, так и внешнюю, старообрядцы, признающие священство Белокриницкой иерархии, и поморцы законобрачного согласия. Именно они наиболее прагматично заботились о потребностях своих членов, особенно — о духовных. С другой стороны, такие радикальные толки старообрядчества, как странники, старопоморцы, нетовцы, уводили своих последователей от решения земных проблем.

Вторая глава — «**Взаимоотношения старообрядцев и Русской Православной Церкви**» посвящена анализу отношений старообрядцев и институтов РПЦ в регионе.

В первом параграфе «Томская духовная консистория, приходское духовенство и старообрядцы» рассматриваются отношения Томской Духовной Консистории и синодального приходского духовенства со старообрядцами.

Во второй половине XIX – начале XX в. большинство причтов РПЦ в регионе материально зависели от прихожан. Последние зачастую не выполняли обязательства по содержанию храма и причта, причем не только старообрядцы, но и «никониане». Попытки государства вводить казенное жалование для причта (т.е. включение в государственную структуру) вело к

падению духовного авторитета РПЦ, а наделение причтов землей — к конфликтам с прихожанами уже на материальной основе.

Одной из причин холодности сибиряков к официальной церкви была разбросанность приходов (так что священники по несколько лет не были в подведомственных селениях), а также случаи девиантного поведения священноцерковнослужителей, низкий образовательный их уровень. Переселенцы-старообрядцы стремились создавать свои поселения подальше от синодального храма.

В 1860-е - 1870-е гг. духовные власти время от времени прибегали к помощи светской власти в лице томского губернатора и Алтайского горного правления для воздействия на лиц, не поддающихся духовному воздействию. Позже роль светской власти постепенно падала.

Применяемые приходскими священниками средства и методы борьбы со старообрядчеством и сектантством на протяжении изучаемого периода менялись. Однако можно выделить основные: 1) посещение на дому колеблющихся; 2) частные беседы на дому у священника; 3) беседы в домах «раскольников»; 4) проповеди в храме миссионерского характера; 5) соблюдение однообразия и истовости в совершении Богослужений и треб.

Во втором параграфе «Деятельность Томского епархиального противораскольнического братства св. Димитрия, митрополита Ростовского» рассматривается миссионерская деятельность данного братства, основанного в 1884 г.

Одновременно с открытием Братства было открыто Бийское отделение. В 1885-1886 гг. были открыты Мариинское, Томское, Семипалатинское, Усть-Каменогорское, Барнаульское, Каинское, Кузнецкое, Нарымское отделения. В 1910-е гг. действовало отделение в г. Ново-Николаевске. В 1885 и 1888 гг. обсуждалась возможность открытия в епархии противораскольнической миссии на средства Св. Синода.

Вскоре после своего открытия Братство определяет и методы борьбы: 1) открытые собеседования со старообрядцами, которые должны проводить знакомые со старопечатными книгами и терпеливые сотрудники; 2) открытие при сельских школах внебогослужебных собеседований и церковно-приходских школ; 3) назначение особых противораскольнических миссионеров, свободных от рутинных обязанностей приходского священника; 4) устройство молитвенных домов в удаленных от приходских храмов селений; 5) снабжение церковных библиотек книгами, дающими сведения как о самом старообрядчестве, так и о способах борьбы с ним; 6) обеспечение материальной независимости причтов от прихожан-старообрядцев.

Наиболее часто на публичных собеседованиях обсуждались вопросы: 1) о причинах раскола РПЦ и о клятвах соборов 1666-1667 гг.; 2) о за-

конности священства Белокриницкой иерархии; 3) ереси в господствующей церкви.

Специально для противодействия епархиальному миссионеру в 1912 г. в Томскую губернию Московским старообрядческим братством Честного и Животворящего Креста Господня был прислан на год (реально прожил до смерти в 1918 г.) В.К. Кожилкин.

Первоначально Братство добивалось учреждения в епархии специального миссионерского печатного органа, однако денег хватило лишь на открытие с 1898 г. миссионерского отдела в «Томских епархиальных ведомостях», которые стали выходить с этого же времени в братской типографии.

О результатах деятельности Братства трудно судить однозначно. За первые 10 лет своего существования (1884-1894 гг.) силами Братства было обращено в официальное православие 6000 человек — ровно столько, сколько переселилось старообрядцев из Европейской России только на земли Алтайского горного округа всего за три года (1894-1896 гг.).

Следует учесть вклад сотрудников Совета и отделений Братства в составление полной картины жизни томского старообрядчества в конце XIX в., а также хоть и небольшой, но вклад в создание школьной сети на территории губернии.

В третьем параграфе «Алтайская духовная миссия и старообрядцы» рассматривается проблема взаимодействия старообрядцев и Алтайской духовной миссии, старообрядцев и «инородцев». Начало миссионерской деятельности РПЦ среди автохтонного населения Алтая (1830 г.) встретило препятствие в лице живших между инородцами старообрядцев. В середине XIX в. миссионеры доносили о том, что в пределах Миссии ведут агитацию переселившиеся из Европейской России «раскольники», один из которых называл себя священником общины Рогожского кладбища (г. Москва).

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. происходит расширение (за счет приселений извне и миграций внутри Миссии) ареала соприкосновения старообрядцев и инородцев. Наибольшее соприкосновение старообрядцев и инородцев характерно для Урсульского, Черно-Ануйского и Кебезенского отделений.

Главной, на наш взгляд, причиной влияния старообрядцев на инородцев является разбросанность селений, входящих в состав немногочисленных миссионерских отделений, в силу чего миссионеры крайне редко навещали свою новокрещенную паству из инородцев, а последние постоянно наблюдали свободное отправление старообрядцами религиозных служб.

Влияние старообрядцев на инородцев носило характер не только духовный, но и материальный. Старообрядцы основывали новые селения и

занимали земли, наиболее пригодные для землепашества, скотоводства, пчеловодства. Отмечалось, что, кроме захвата земли, старообрядцы спаивают падких до вина инородцев и эксплуатируют их.

Для ограждения инородцев от влияния старообрядцев предпринимались разнообразные меры. В 1865 – начале 1870-х гг., по инициативе Начальника Алтайской духовной миссии, Кабинет Его Императорского Величества несколько раз делал «распоряжение о недопущении заселения среди алтайских инородцев раскольников». Генерал-губернатор Западной Сибири дважды предписывал губернаторам строго следить за выполнением этого распоряжения. Правда, миссионеры отмечали, что «это самое ограничение дает им [раскольникам] неограниченное право образовать свои поселки между селениями новокрещенных». Позже создавались новые миссионерские отделения и поднимался вопрос о создании специального противостарообрядческого миссионерского стана.

Старообрядческий компонент населения Алтайской духовной миссии был достаточно стабилен в изменяющихся условиях окружающей действительности.

В четвертом параграфе «Использование Русской Православной Церковью церковно-приходской школы в борьбе со старообрядчеством» рассматривается использование данного института РПЦ как средства борьбы со старообрядчеством.

Синодальное духовенство высоко оценивало значение церковной школы как средства борьбы со старообрядчеством, о чем свидетельствуют большое количество публикаций на эту тему в епархиальной печати, рост сети церковных школ, высокий удельный вес расходов на церковную школу в общей смете противораскольнического братства. Необходимость для церковной школы быть миссионерским учреждением обосновывалась еще и тем обстоятельством, что томские старообрядцы отвергали церковные школы как составную часть официальной церкви и сами устраивали для себя школы, в которых готовили начетников и певцов.

Учебный процесс в старо- и новообрядческих школах грамоты был аналогичен: основной целью являлось обучение подрастающего поколения церковной грамоте и церковному пению; обучались, преимущественно, мальчики; обучение велось в свободное от полевых работ время года.

Особо нужно отметить школы, основанные Томским епархиальным противораскольническим братством. Учителя для этих школ, подготовленные на противораскольническом отделении специального класса Бийского катехизаторского училища, получали, помимо жалования от Училищного Совета, еще и доплату от Совета Братства. Значительная часть расходов Братства (до $^{3}/_{4}$) – это расходы на школы. В школах Братства обучались и дети старообрядцев. Одной из особенностей преподавания в

этих школах было употребление для чтения книг единоверческой печати и прописей Кашменского, заключающих в себе выписки и выдержки из священных книг, уважаемых старообрядцами. От учеников-старообрядцев не требовали, например, трехперстного крестного знамения. Другая особенность – сообщение ученикам элементарных сведений по истории Раскола (с точки зрения официальной церкви, разумеется). По воскресным и праздничным дням эти школы выполняли функцию молитвенного дома.

В пятом параграфе «Единоверие как способ борьбы со старообрядчеством» рассматривается такой специфический институт, как единоверие – переходная форма между старообрядчеством и официальным православием.

Первые единоверческие приходы на юге Западной Сибири были открыты по указам Св. Синода от 1836 г. Храмы были переделаны из часовен, прежде используемых старообрядцами, а в церковнослужители были допущены некоторые из прежних старообрядческих дьяков. Количество единоверческих церквей на протяжение всего периода колебалось.

В середине 1860-х гг. велись подготовительные работы по открытию на Алтае миссионерского единоверческого монастыря.

В изучаемый период доля единоверцев с течением времени неуклонно сокращалась, в то время как доля «раскольников», несмотря на колебания, в целом находилась примерно на одном и том же уровне на протяжении более чем 60 лет. Снижение доли старообрядцев в общей численности населения региона можно объяснить тем, что в конце 1860-х гг. РПЦ рапортовала о значительных победах в области обращения «из раскола» – были присоединены на правах единоверия и безусловно десятки тысяч старообрядцев западных губерний. На этом фоне и остальные епархии рапортовали о массовом обращении к РПЦ. Доля приверженцев официального православия росла в конце XIX – начале XX в. как за счет переселенцев, так и за счет обращения инородцев.

Достаточно сложна для анализа динамика обращения «из раскола» «безусловно» и «на правах единоверия». Отсутствие в 1870-е гг. присоединений к РПЦ на правах единоверия позволяет утверждать, что первоначально такая форма не пользовалась среди старообрядцев популярностью.

Миссионерский съезд 1898 г. пришел к выводу, что «из всех числящихся в единоверческих приходах, единоверцев, только 5-я часть могут быть названы по своим действительным убеждениям и настроению истинными единоверцами». Такое отношение единоверцев к последователям официального православия сложилось не сразу, но имело ряд причин. Первая из них – отдаленность единоверческих селений от единоверческих церквей, в результате чего священники не бывали в селениях по не-

сколько лет, и единоверцы жили сами по себе. Отсюда вытекает вторая причина – наличие при единоверческих церквях дьяков, избираемых и содержащихся самими прихожанами. Третья причина — присоединение осуществлялось в спешке, без надлежащей подготовки неофитов. Следующей причиной являлось формальное со стороны старообрядцев присоединение по следующим причинам: а) возможность открыто следовать вере отцов, в частности – возможность заключать брак по старому обряду; б) из страха перед начальниками, взявшими на себя миссию обращения. В качестве пятой причины можно выделить фактическое разделение единоверцев и «православных», которое определяется следующими факторами: а) материальная зависимость единоверческих священников от своих прихожан, побуждающая их поддерживать данное разделение; б) смешанный состав селений, входящих в состав единоверческого прихода. С одной стороны, единоверческие священники не имеют права исполнения всех треб по отношению к прихожанам церквей РПЦ, с другой стороны – агитация со стороны старообрядцев, проживающих в этих же селениях; в) после смерти единоверцев и официально православных хоронили на разных кладбищах. Немаловажной причиной необходимо признать низкий общий образовательный уровень единоверческих священников. В качестве седьмой причины необходимо выделить недостаточное обеспечение единоверческих церквей богослужебной литературой, что приводило к искажению службы, недоумению единоверцев и прямому возмущению старообрядцев. Самостоятельной причиной являлось неудачное, с точки зрения семантики слова, наименование старообрядцев, принимающих иерархию РПЦ, «единоверцами». Последней из причин является появление на юге Западной Сибири во второй половине 1860-х гг. священников Белокриницкой иерархии.

Можно согласиться с Н.Н. Покровским, считающим, что неудачная попытка использования гибкой тактики единоверия для ликвидации старообрядчества ярко свидетельствует о том, что само старообрядчество «не сводилось лишь к формальному обрядовому протесту; раскол на Руси имел глубокие корни социального протеста против господствующей церкви, государства и их идеологии».

В целом, РПЦ использовала разнообразные меры воздействия на старообрядцев региона. Однако эффективность их использования была достаточно низкой, что вынуждало синодальное духовенство прибегать к помощи светской власти. Постепенно меры воздействия смягчались, но на местах синодальное духовенство не всегда соблюдало указания вышестоящего органа. Поэтому до дарования религиозных свобод старообрядцы предпочитали уклоняться от встреч с приходскими священниками и противостарообрядческими миссионерами. Наиболее радикальные бес-

поповские толки и в начале XX в. по-прежнему продолжали беречься от подобных встреч, стремясь избежать «мирщения».

В заключении диссертант формулирует ряд обобщающих положений по проблеме исследования, которые выносятся на защиту.

Выявлена «размытость» границ между старообрядчеством и официальным православием в народном его варианте. Схожими являются отношения к синодальному духовенству, целям и формам обучения подрастающего поколения..

1. Выявлена тенденция роста численности старообрядцев. Анализ динамики численности позволил выявить тенденцию сохранения удельного веса старообрядческого компонента в конфессиональной структуре населения региона примерно на одном уровне за счет как естественного, так и механического прироста. Наиболее населенными старообрядцами являлись на протяжении всего изучаемого периода южные уезды – Барнаульский, Бийский и выделившийся из последнего в 1895 г. Змеиногорский. Связано это было как с земледельческим освоением этих плодородных земель, так и с отдаленностью от духовных и светских властей.

2. Другой важной тенденцией на протяжении всего изучаемого периода являлась дифференциация согласий и появление новых толков. Появление новых согласий и толков в регионе имеет как внешнюю причину — переселение из других регионов носителей иных обрядово-догматических традиций, так и внутреннюю — отсутствие полноценного духовного образования и самостоятельное толкование вопросов богослужебной практики. При некотором увеличении доли белокриничников в общей структуре старообрядчества региона, господствующим согласием оставалось поморское законобрачное.

3. На примере старообрядчества юга Западной Сибири подтверждаются противоречия «золотого десятилетия», выявленные Ю.В. Клюкиной для уральского региона и выражавшиеся в отторжении частью толков и согласий возможности вхождения в формирующееся гражданское общество. Появляется новый критерий для деления старообрядчества на два направления — общинников и противообщинников. Наиболее включенными в формирующийся в России новый тип общества оказались представители двух наиболее влиятельных в регионе согласий — поморского законобрачного и, особенно, белокриницкого. Деятельность этих согласий является положительным примером проявления в изучаемом регионе «золотого десятилетия» российского старообрядчества. Предсказуемым является негативное отношение наиболее радикальных согласий (странников, титовцев), неожиданным — часовенного согласия, ранее достаточно терпимо относившегося к РПЦ и государству. Юг Западной Сибири стал одним из центров формирования, на базе часовенного, нового согласия — не приемлющих общин.

4. Отношения РПЦ и старообрядчества имеют аналогии в других регионах. Первоначально господствующая церковь боролась с «расколом» при полицейской поддержке государства. Изменения и в государственной, и в синодальной политике в сторону смягчения начинаются с последней четверти XIX в., когда старообрядцам законами 1874 и 1883 гг. постепенно возвращается часть гражданских прав. Крупным событием стало дарование старообрядцам в 1905-1906 гг. практически всех гражданских и религиозных прав, когда фактические старообрядцы, формально принадлежавшие к официальному православию, получили возможность легализовать свою истинную конфессиональную принадлежность. Однако необходимо отметить, что в своем отношении к старообрядцам синодальные священники и миссионеры не всегда руководствовались решениями высшей власти или Томской духовной консистории. Особенностью изучаемого региона является проведение борьбы со старообрядчеством силами не только специального противораскольнического братства, но и противоязыческой миссии.

В целом, несмотря на наличие на юге Западной Сибири на протяжении всего изучаемого периода различных толков и согласий со специфическими чертами, можно говорить о наличии такого религиозно-общественного феномена, как старообрядчество, объединенное как отрицательным отношением к церковным реформам середины XVII в., так и сохранением ряда культурных традиций дораскольного времени.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре Отечественной истории Кемеровского государственного университета и Научном совете Архивного управления Администрации Кемеровской области. Основные положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на 19 научных конференциях, включая шесть международных.

Предварительные результаты научного исследования нашли отражение в 21 публикации, из которых основными являются следующие:

1. Томское епархиальное братство св. Димитрия, митрополита Ростовского // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона. Тез. докл. и сообщений межрегион. научн.-практ. конф. Кемерово: Кемеровский облИУУ, 1996. С. 145-148.

2. Официальная статистика Томского раскола в конце XIX века // Материалы XXXV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История / Новосибирский ун-т. Новосибирск, 1997. С. 64-65.

3. Согласия и толки Томского старообрядчества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторические судьбы православия в Сибири: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Иркутск, 1-3 октября 1997 г.). Иркутск, 1997. С. 91-94.

4. Старообрядческие миграции и Томский край // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX вв. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 57-64.

5. Единоверие как способ борьбы со старообрядчеством (на примере Томской епархии) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (Тобольск, 25-27 ноября 1997 г.). Тобольск: Изд-во Тобольск. гос. пед. ин-та, 1997. С. 107-108.

6. Роль церковной школы в борьбе со старообрядчеством в Томской епархии в конце XIX – начале XX века // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы межд. науч. конф. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 310-314.

7. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы (по миссионерским отчетам) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаульского педуниверситета, 1998. С. 233-234.

8. Выходцы из Пермской губернии – священники Белокриницкой иерархии на территории Томской губернии (по данным анкеты 1924 г.) // V Уральские археографические чтения. К 25-летию объединенной археографической экспедиции. Тезисы докладов науч. конф. Екатеринбург, 14-16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 78-81.

9. Старообрядческая церковная школа Томской губернии в конце XIX – начале XX в. // Повышение эффективности научных исследований и совершенствование учебного процесса. Тезисы докладов межрегиональной научно-методической конференции (18 ноября 2000 г., Анжеро-Судженск): [В 5 ч.]. Часть III. (Анжеро-Судженск): (Филиал) КемГУ, 2000. С. 28-30.

10. К вопросу о материальном факторе во взаимоотношениях синодального духовенства и прихожан в приходах Томской епархии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Наука и образование: Тезисы докладов второй научно-практической конференции (26-27 апреля 2001 г.). Белово: БФ КемГУ, 2001. С. 75-78.
(http://belovo.kemsu.ru/center/conferens/doklad_gum/ivanov1.html)

11. Метрические книги старообрядцев Томской губернии (1906-1931 гг.) как исторический источник // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26-30 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 113-117.

ЛР № 040415 от 03.04.1997
Подписано в печать 14.11.2001. Формат 60 х $84^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 1,7. Уч.-изд. л. 1,7.
Тираж 100 экз. Заказ № 39

Отпечатано с оригинал-макета в ГУП «Беловский полиграфист»
652615 г. Белово, ул. Чкалова, 18
тел. 2-22-67, факс 4-34-00